АЛЕКСАНДР
КУСИКОВ

А. А.

Экземпляр

Бориса Вячеславовича Дюшен

НАКАНУНЕ

АЛЕКСАНДР КУСИКОВ

АЛЬ-БАРРАК

ОКТЯБРЬСКИЕ ПОЭМЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАНИЕ АКЦ. О-ВА «НАКАНУНЕ»
БЕРЛИН — МОСКВА
1923

Обложка работы художника Арнштама

ПОСВЯЩЕНИЕ

АЛЬ-БАРРАК

О, время, грива поределая,
Я заплету тебя стихом: —
Подолгу ничего не делая,
Я мчался на коне лихом.

Уздой порыв, надежда — стремя,
Серебряное стремя дня.
И выстраданный вздох мой семя,
Растущее вокруг меня.

Швырнул я сердце звонко в эхо,
В расстреленный раскат грозы: —
И пал расколотым орехом
С нагорной выси мой призыв.

Я мчался на коне крылатом
В нельзя, за грани, в никуда;
За мной дома и сакли, хаты,
Аулы, села, города.

Так что-же, разве конь подстрелен,
Иль эхо выкрала заря?
Все семь небес подперли ели —
Моих стихов священный ряд.

Я все познал, еще познаю,
Еще, еще, за мною все:
Мы не в луну собачьим лаем,
Мы в предугаданный рассвет.

Я этот мир в страну другую
Несу в сознательном бреду.
Я радугу, дугу тугую,
Концами жилисто сведу.

О, в дали белая дорога,
О, сладостных томлений рок!...
Нет в небе Бога, кроме Бога,
И Третий Я Его Пророк.

Так мчись же конь, мой конь незримый,
Не поредела грива дней,
В Четвертый Мир неизмеримый —
В заглохший Сад души моей.

Москва 1920

КОЕВАНГЕЛИЕРАН

АЛЬ — КАДР

ДЖУЛЬФИКАР

ИСКАНДАР НАМЭ

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

ВАСИЛЬКОВЫЙ МАРШ

КОЕВАНГЕЛИЕРАН

ПОЭМА ПРИЧАЩЕНИЯ

1

Полумесяц и Крест,
Две Молитвы,
Два Сердца,

(Только мне — никому не дано)!
В моей душе христианского иноверца
Два Солнца,
А в небе одно.

2

Звездный купол церквей,
Минарет в облаках,
Звон дрожащий в затоне,
И крик муэдзина —
Вездесущий Господь,
Милосердный Аллах:
ЛЯ-ИЛЛЯГУ-ИЛЯЛ-ЛА,
И во Имя Отца,
Святого Духа,
И Сына.

3

Два Сердца,
Два Сердца,

Два Сердца живых,
Два Сердца, трепещущих разно,
Молитвенно бьются в моей рассечонной груди:
Вот закутанный в проседь черкес,
Вот под спицами няня,
И мне было рассказано —
Что у Господа Сын есть любимый,
Что Аллах в облаках Един.

4

Разбрызгалось солнце в небе
Лучами моей души.
Надежд моих радужный гребень
Седину облаков расчеши.

5

Нет во мне капли чорной крови,
Джин не коснулся меня.
Я родился в базу̀ коровьем
Под сентябрьское ржанье коня.

Заколотым осень верблюдом
Жертвой к рожденью легла.
В замке́ предугаданным чудом
Припала отмычки игла.

Порешили, что буду немым я.
Но с червонным пятном на ноге
Я прильнул на сладчайшее вымя,
Когда ночь была в лунной серьге.

Тайну месил я в кизеки,
Выглядывал в ба̀зову щель.
Но вот на лесной засеке
Отыскалъ я незримую Ель.

Вековая в небо верхушкой,
В рассыпанный солнцем овес.
Я взобрался и в ночь прослушал
Мерцающий шопот звезд.

Сквозь сосцы бедуинки Галимы,
Сквозь дырявый с козленком шатер,
„Я“ проникло в куда-то незримо,
Как кизечный дымок сквозь костер.

Не нагонит напев муэдзина,
Не вернет призывающий звон,
Если глас вопиющий в пустыне
Бросил „Я“ в неисходное „Он“.

6

Высохло озеро Савской царицы,
Захлебнулся Ефрат — и в простор....
Помни, нельзя укрыться,
Если лучится укор.

Так не укрылся Ирод,
Волхвы не пришли к нему.

Помни, отжившему миру
Не избегнуть ответных мук.

Долго будут ещо над отцами
Сыпаться слез газыри,
Пока все не проникнут сердцами
В апельсиновый сад зари.

Пока все не умчатся за грани,
За нельзя на крылатом коне,
Будет веков умиранье,
Быть Аль-Хотáме в огне.

Будут ещо потопы,
Ковчег и все новый Ной. —

На бессильный погибели ропот
Пришол уже Третий, Иной.

Был Назаретский Плотник,
Погонщик Верблюдов был,
Ещо один Чорный Работник
Не поверил, — и молотом взвыл.

Ослята словами запели,
Овцы поклонами в земь: —
Прозрели,
Прозрели,
Прозрели,
Два глаза его, — две газели
Из колодца любви Зем-Зем.

7

Сквозь мудрость сосцов Галимы,
Вскормленный ее молоком,
В никуда я проник незримо
Из ба́за кизечным дымком.

Москва 1918—1920

АЛЬ-КАДР

ПОЭМА ПРОЗРЕНИЯ

Отцу моему
Борису Карповичу Кусикову.

Мы ниспослали Коран в ночь Аль-Кадр.
О, если б знал ты, как ночь эта светится.
Ночь Аль-Кадр лучше тысячи месяцев.
В эту ночь ангелы на землю сходят по
Нашему повелению.
Мир до зари и не бродят тени.
Коран. Сура 97.

1

У меня на Кубани есть любимый пень
С кольцами лет на сморщенной лысине.

Время-мох наклонило к нему плетень:
На плетне турий череп,
А в черепе истина.
Есть потеря у всех,
И у пня есть потеря:
Снится ль хруст ему в пальцах веток,
Иль как лист,
Каждый лист.
Умывал он в росе
Вспоминает теперь безответно?...

Знает пень шепелявую радость в лесу.

Так в глубокую тайну корнями засев,
Молча, молча он думу супит.

2

Чвик-чивикнет рассвет на плетне воробьем,
Каркнет вечер на черепе вороном,
Пень и я,
Мы вдвоем,

Будто думу одну затая,
Ловим каждой звезды оторванность.

3

Есть в ушедшем немая скорбь,
Глаз оплывших, стеклянных глаз. —
И тропа предо мною вскорь,
Так в далеко дорогой легла.

Мне ль не ведом излом потерь? —
Конь по мне ржот один в базу.
Но ведь хлесткий Октябрь теперь
Звоном зорь мне сморгнул слезу.

Но ведь вздыбил и ты, мой конь,
Свою буйную радость копыт.
Что ж под черепом пень тайком
Молча щурит лучей снопы?

4

Старец,
Пень мой,
Скамейка детства,
Это ты,
Это ты меня вынянчил.
На твоих обрубленных плечах,
Вынашивая бред свой,
Я учился у тебя молчать.
Но молчу не как ты,
А иначе.

Так молчит отзвук тари
Перед песней.

5

Я молчу перед новой строкой,
Затаенно, по долгу молчу.
Помнишь в сказках твоих дракон
Нòздрил бурю встряхать алычу.

Я любил этот дождь золотой,
Свист в два пальца и всхлип совы.
Взор мой дятел долбил долотом,
Душу иглами ежил ковыль.

Люльку дум моих мамин бык
По ночам усыпляя бодал...
Разве мельником труд позабыт,
Когда мельницу рушит вода?

Разве мог я про все забыть,
Что так нежно растило меня?
Но ведь конь мой не снимет дыбы,
И арканом его не унять.

Но ведь череп пробоями глаз
Уже мудрость свою лучит...
Знай же, пень, что сегодня игла
Не колоться должна, а шить.

Знай же, пень, кто однажды познал,
Что за далями дали есть —
Значит новых надежд белизна
Для него распушилась в песнь.

Москва 1921

ДЖУЛЬФИКАР

НЕИЗБЕЖНАЯ ПОЭМА

1

Никогда, никем не забывается,
То, что пронзает первая любовь.
О, этот всхлип подстреленного зайца,
В котором дрогнул вечер голубой.

2

О, родина,
О, степь в долине бурок,
Где дыни лун злотят июль бакши. —

Всегда на взводе
Дум твоих курок,
А взор твой стынет в белую вершину.

3

Кто научил тебя не понимать,
Что есть в ночи
Продрогший страх кинжала?

Напоминать,
Сегодня ли напоминать,
Что не о жалость
Лезвие точить?

4

А я твой сын.
В моих тяжолых жилах
Та ж непокорная от винограда кровь.
Вот я пришол надеть узду реке,
И берега раскинуть на весы.
Кто говорит, страшна дорога?

Не все ль равно,
Ресниц ножи
Не перед кем
Не дрогнут.

5

Есть сладость в том,
Чтобы познать себя,
Есть сладость в том,
Чтобы вернуть потерю: —
Кубань и Волга — Енисей и Терек
В меня впадают, как один приток.

О пьянствуй, разум,
Памяти колеса
Вскружитесь шибче,
Вскружитесь разом,
Кто, как не я,
Молитву в завтра шепчет,
Захлебываясь горечью вина?

Всем с колокольни я,
Всем с минарета...
А чья вина? —
Да и вина ли это?

Но помни, ветер, не жалеть семян,
Так не ласкаться в золоте колосьев?!

6

Кто там, кто без оглядки,
Вслед я взбиваю кому,
Строк моих взбухшие грядки
Тяпками острых мух?

Я ль на ветру не вылавливал
Для никого слова: —
Что бы гуси летали и плавали,
Что бы месяц зарю целовал?

Чтобы все было вскрыто собою.
Взвейся ж в небо волчок земли,
Мы пьянствовать кровью запоем
Больше тебе не велим.

Мы! — Но не верит вертлявая.
Если не веришь — Я!
И заикнулась пьяная,
Будто с похмелья земля.

7

Вот для того то, для того
Я свистом с индюком беседовал,

Когда склонялось зарево
Через плетень соседкою.

Вот для того то слушал я,
Как дуб роняет желуди,
Как конь топырит уши,
Снимая радость с повода.

И для того выглядывал
Я в гусенице бабочку
И с ней походку складывал
Я на росе булавочной.

О, знал я как таидыкает
Перед дождем гигикалка,

И белой песней никнет как
В лесу черешня дикая.

Я знал, как терен красными
Царапается пальцами,
И как подсолнух заспанный
На солнце просыпается.

Я слушал, как мне радуга
Читала строки дождика,
Как за речной оградою
Волна стругала ножиком.

Все разгадал, все выслушал,
Весь мир познал в навозе я,
Намокший облак высушил
На камышовом озере.

Мне небо улыбается
Сноп солнца распоясанный,
А радость дней бодается
Бычек-бадунчик с яслями.

8

Но почему порой
Надломленность акаций
Ветвями цепких рук
Мне машет возвратиться? —

Ведь я ушол, чтобы твоим назваться
Мой первый день — кизиловый чубук.

Пусть твой дымок все также в небо длится,
Пусть твой пастух картавит на коров...

Бакша и горы
Как забыть мне вас?

О, я ушол, чтоб снова возвратиться!

Но зрячий облак в небе глаз лишон,
Но сквозь ложбину
Пули дум свистят. . .

Меня ль сомнет
Кулак мой сжатый в камень?

Не возвратиться,
Нет,
Я не ушол,
О, нет же, нет,
О, я не на чужбине,
Я с вами,
Вы со мной,
Мы даже не в гостях,
Мой старый пень,
Мой баз,
Моя бакша и горы,
Мой первый день — дымящийся чубук.

Расти меня, расти меня как прежде,
Я обречон смиреньем проорать —

Ведь перед волком сам себя не режет
В потерю загнанный и бьющийся баран.

И будет день,
(А может быть не будет!)
Когда экватор запушится в снег.
Я в полюс северный, как в льдянный бубен
Бью веткой пальмовой во сне.

А на яву мне машут из ложбины,
А сквозь ложбину пули дум свистят....

Я не в гостях
И я не на чужбине.

Мой первый день — кизиловый чубук,
О, не замаливай на снеговых губах,
На чотках скал расщепленную грусть: —

Есть у меня и родина Кубань,
Есть и отчизна вздыбленная Русь.

9

Кто там, кто без оглядки,
Кому ничего не жаль,
Кто сеет полóву с азатками
И колос растит в кинжал?

Кто сегодня опять не слышит
Кумачовой песни зари?
Разве звезды срывают вишнями,
Когда вечер еще горит?

10

Разве можно садиться на корточки,
Когда нужно воспрянуть в рост?
Кто там страхом заваленный корчится,
Как под дождиком сена воз?

Кто там, кто там хрипит придушенный,
Чьо горло сегодня арба?

Товарищи, рушится, рушится,
Оглянитесь, воспряньте, пора!

11

Но нет ответа,
Звоном тишь зарезана,
Я слышу только самого себя —
Любимый, ветер,
Так-ли марсельезу
Тебя учили распевать?

12

О, никогда, никем не забывается
То, что пронзает первая любовь.
Я слышал плач подстреленного зайца,
В котором бился вечер голубой.

Москва 1921

ИСКАНДАР НАМЭ

ПОЭМА МЕНЯ

1

Обо мне говорят, что я сволочь,
Что я хитрый и злой черкес,
Что кротость орлиная и волчья
В подшибленном лице моем и в профиле резком.

Ещо кто то сказал,
Что скалы
В оскале моем дрожат,
Кто то сказал,
Что в бурю мой вздох,
А зеленые треугольные глаза,
Под изломанной бровью,
Глаза мои впалые,
Нахохлились
И жадно
Никогда не плачут.

Нет, вы не знаете, как сумрак совий
Рябым пером зарю укачивает.

2

А в этом есть такая тихая, такая острая боль.
(Я обречон эту боль затаенно беречь): —
Улыбкой подснежника целовать прощенья лоб,
Арканом ненависти стаскивать с плеч череп.

Ведь, носит тур и бороду и рог,
И травы обнимаются с косой.
В зеленой бурке ель — суровый всадник гор,
На плече своем холит сойку.

3

Белые кони.
Рук моих белые кони
В хомуте молитвы смиренно дремлют.
И те же кони,
Те же белые кони
Дыбят в небо непокорный ропот,
Ржаньем пальцев срывая хруст узд,
Зуд
Треножных ремней...

Я мюрид бесстрашный,
Ненавижу врага.
Я чорный страж,
Я кроткий инок:
В крови ятаган —
И пропахший смолой на горбе топор.

4

Вот почему насыпаю я звезды в рукав
И за пазухой нежу ночь:
Ещо долго в молитве кружиться ковру,
Плавить взмах ещо долго клинкам отточенным.

Мой дымок, мой потертый кисет
Зачитались чужими страницами.

Вяжет тень под деревьями сетки
Вылавливать солнечных птиц.

Но я знаю, как в думах вечёр
Невыразим,
Как по листьям ползут золотые черви
В огненный лед зари.

Разве двуглавый на песни кается?
Слезы двуглавого — клочья рясы,
Бог у него — крестоносное пузо.
Тише,
Довольно,
Довольно,
Тише!
Слышите? —
Петухом запевает заря.
Держите коней,
Коней держите!
Кони... кони...

И только подковы свой топот плавили,
Прыгали ядра на ядра зайцами.
Что это?
Где я?
Где я?
Что это?

7

Ветер сшиб мне с затылка лопух,
В искрах глаз разбежались ягнята,

Ширь до неба колосьями вспухла —
Небывалым посевом огня.

Не в лесу потерял я палку,
Не с плеча обронил я повод.
Пулеметами ульи, пули — оводы:
Вечер кровью коней купал.

Слушай, каждый: — нужно ветру в ответ
Грудь курком оголить на взвод,
Так, чтоб в вывихе первой же ветки
Не себя простудить, а его.

8

Вот как я встретился,
Продрав прищур свой липкий
От меда зорь,
От льдин — от белизны слепой.
О, я ведь знал,
Я знал, что будет после.
Пой ветер,

Пой на губах козла:
И вспомнил я, как скрип моей калитки
Будил в ночи дремоту диких роз.

9

О, если б знали вы, как сладостно аукать
В пещере дум любимые слова.
И целовать, на ветер целовать
Ответную раззыбленную муку.

Я в буйволиный вздох запропастил
Без облаков и с облаками небо.
Усесться мне б
Опять на лысом пне,
Помахивая длинной хворостиной.

И ведь никто не спросит почему,
Как будто бы я присмирело злею?

Кизилом тлеет
Губ моих чубук,
И брови дудочкой надежд замученные змеи.

Кто ж не ломает голос свой в потерях?
Кому не ведом предмогильный страх?
Я у костра пещеры,
У дум костра.

Любимое я в синь запропастил.
Какую ж муку целовать на ветер?
О, родина, измену мне прости,
Прости мне, родина измену эту.

10

И в этот день, когда не мрут, а дохнут,
Когда нам камни вышеченный хлеб,
Когда забыли кони, где

Причесанный кортеет стог: —
Я на Арбате,
Пропахшем хлебным квасом,
Учуял скрип арбы,
Тяжолый след быка....
Москва, Москва,
Ты Меккой мне Москва,
А Кремль твой — сладость чорная Каабы.

Москва 1921 г.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

ПОЭМА ТРЕХ НОЧЕЙ

Александру Николаевичу Чумакову.

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
А. Пушкин.

НОЧЬ ПЕРВАЯ

1

Воспоминание, опять воспоминание.
Текут часы — янтарный тает сок.
Ах, бейся, бейся пламенный висок,
Разлей чернилами мое воспоминанье.

Не потому, что я сегодня пьян.
Я пьян всегда! — А разве я пьянею?
Ползет мой день. — Так по реке туман
Ползет,,, ползет... И вечная затея,
И вечный зачарованный обман:
Писать стихи, когда минувшим веет.

Часы текут — янтарный тает сок:
Неторопливая, ленивая походка.
Ах, бейся, бейся пламенный висок,
Мне все равно, пусть это кровь, пусть водка.

2

Теперь я многое могу не различать.
Я часто слезы рассыпаю смехом
Себе на боль, а другу на потеху.

Но иногда горчайшим смехом вдруг
Я тороплюсь упиться сгоряча...

Неверный смех, неверный друг,
И безразличие неверное в плечах.

Что жизнь моя? — (Не думать бы об этом):
Два встречных ветра, пыльный столб — и нет.
Подумаешь, и хочется кричать зажатым ртом,
Зажмуриться и мчаться на коне...
Но это только миги. — А потом
Устанешь, и как прежде без ответа.

3

Уже устал. И увядает стих.
Быть может, завтра допишу его, быть может,
брошу.

О, сколько их забытых, недописанных...

В ногах свинец — и тяжелеет ноша,
Под кожей дрожь — и увядает стих.

Рванулся звон, и тишь рванулась,
Рванулся я, рванулся стих...

Но стынет хмель. И на губах моих
Гармошкой горечь сухо растянулась.

Уже рассвет в окне моем закислился,
Уже я нем для уличного гула.

Так стынет хмель, так увядает стих,
Быть может, завтра допишу его, быть может,
брошу.

НОЧЬ ВТОРАЯ

4

Ну, вот и завтра, и как вчера, я пьян,
И, как вчера, плывут кругами стены,
Мой стол плывет, чернильница моя,
И безоглядочный и беспокойный я —
Мы все плывем в круженьи волн и пены.

О, как легко без суеты забот,
Когда досада не хрустит на пальцах: —
Пусть на весне линяет тощий скот,
Пусть в осень розы осыпаются.

Что мне Сережа, Толя и Вадим
(Любовь друзей — сокрытая измена)!
Вот так бы плыть, чтоб кольца позади
Сбивали волны перехватом пены.

Но беспокойствие оглядками живет,
Но безоглядочный случайно оглянется:
И пены нет, — и пена лед...
Все на часах размеренно прольется.

5

Где же мои родственники и где же буйвол мой?
Где все мое? — Опять воспоминанье?

Нет больше сил, хочу скорей домой,
В улыбку Чеча и под морщины няни.

Ведь лишний день — преградных стен броня.
Ах, лейся, мутная Кубань, ах, лейся ленью: —
Я двадцать лет на дно твое ронял
Зрачков моих кремневые каменья.

Я двадцать лет...
Но нет,
Не буду, нет,
Трясти повторы облегченной рысью.

Весь мир летит. — Ещо сопит самум.

А чем я жил, живет в моих стихах
До корня пня, до пневой лысины,
До первой радости и до печали первой.

Быть может, все это не надо никому,
Быть может, все стихи моя
Случайностью написаны?

Но нет,
Конечно нет: —

Это страх,
Это бред
Это,,, дрогнули вербы.

Не мог же стоязыкий я таить
То, что вынашивалось молча двадцать лет.

6

Текут часы — янтарный тает сок:
Я знаю, что мне жить совсем не много.
Ах, лейся, лейся в трубочках песок,
Ах, бейся, бейся, пламенный висок,
Залей чернилами следы моей дороги.

7

И все-таки не избежать оглядок —
В затылке мукой высверлится глаз:
Тень моих братьев на Октябрь легла —
Оглядку выжмуришь — другая рядом.

И не поймешь, не разберешься сразу,
И не уловишь выплыва кругов;
Как будто тот же, но всегда другой
За кругом круг.

И так случайно, и так нежданно вдруг...

Я ворожу затейную игру —
Дуть на узлы, чтоб тишину не сглазить.

О, пять узлов, — о пять октябрьских лет,
Не развязать вас, не разрубить я силюсь...
А предо мной на письменном столе
Два всадника разноздренной России.

И как смолчать, как в небо взвыть руками,
Как уложить в морщины боль свою?
Один сошел с ума, другой убит в бою —
Два Красных Ордена остались мне на память.

Что память?

Часы текут. И тает
Янтарный сок — моя любовь и страсть.
И пылкая надежда и немая —
Дымок синеющий потухшего костра.

Что память?

8

О милые, о дорогие братья,
О, два портрета с чорною каймой.

Проклятье всем, живущим всем проклятье
В те дни распахивал навзрыдный шопот мой.

Но все смиряется, и утихает все,
Как после ливня в дождевом накрапе.

И Революция устало лижет лапу.

Смирился я, скипела месть и злоба.
Лишь память сукровице мне сквозь ночь несет
Два Красных Ордена, два Красных Гроба.

9

Идут ... идут ...
За днями дни идут,
Идут горбатые, идут безгорбые,
Верблюды белые идут ,,, идут ,,, идут ...

И только след, безмолвием надорванный,
Покорно стелется на новую беду.

Кто крикнет — стой? Кто караван удержит?
Погонщик кто? ... О, наш всезнайский век!
Нет, не придумать ни рычагов, ни стержней,
Ни стрелок электрических в ответ.

Вчера порыв, сегодня равнодушье.
Да, все смиряется и утихает все,
Смывая даль, верблюжья поступь глуше,
И глуше шаг раззыбленный трясет.

10

Чего я жду? Потек на каждом слове.
Какой рассвет мне окна застеклит? —

Текут часы. Две ночи протекли,
И третья ночь течет чернильной кровью.

Порой вглядусь — и ничего не вижу,
Прислушаюсь — не слышу ничего.
Лишь тишина на стенах тени лижет,
И сердце хохлится под холодком тревог.

11

Есть в правде ложь, святая и лучистая.
Есть в муках сладость,
А в утрате что же?

Калитка с ангелом обещанного Сада?

О, ложь лучистая,
Святая ложь.

Есть правда в лжи, я эту правду выстрадал,
Я эту правду должен приберечь.

12

Пора бы лечь.
Уже рассвет с надворья
Запел в пробуд моторным петухом.
Трамвай — сапун железный шов свой порет,
С извозчиками сонный дворник спорит,
И кто то прокопытился верхом.

Смотрю в окно. И мысль моя слетела
С поэмы. Будто я совсем другой.

Я строки новые впервые и несмело
Пытаюсь вывести нетвердою рукой.

Спешит портфель, вприпрыжку тешат ранцы,
Корзины шлепают по мокрой мостовой,
Ведет коня мордастый вестовой
Какому нибудь лейтенанту Гансу.

И все живет, во всем печаль и радость,
Все за окном такие же, как я...

О, будни милые,
Мне ничего не надо —
Я только жить хочу,
Вот так, чтоб сердце билось,
Чтоб утру этому и для меня сиять,
Чтоб в жилах разливалась сила,
Чтоб было да, и нет, и очень, и ничуть,
Чтоб, как для всех, так для меня.

Мне ничего не надо,
Будни милые,
Я только жить, я только жить хочу.

13

Текут часы — янтарный тает сок...
Ах, пусть текут, пусть сок янтарный тает,
Стучись и бейся пламенный висок:
Есть правда в лжи — я эту правду знаю.

Берлин 1922

ВАСИЛЬКОВЫЙ МАРШ

ПОЭМА ПОБЕДНОГО ЗАТИШЬЯ

Маяковский — пора бы учуять эпоху

1

Что-то мне не спится и не дремлется,
До дыр продуманы все думы.

Эх!..
Вертись затылок — ветряная мельница:
Подула песнь,
И эта песнь для всех,
Для никого,
Для песни,
И для тех,
Кто скис под усталью раздавленных зевот,
Кто все миры на мускуле разнял,
Для всех, для всех,
И для меня.
О, сколько солнц купаются в росе:
Я раздробился, расплескался весь —
Пою не я,
Не я иду:
Мы.
Все.
Вместе.

2

Новый марш затаенного ритма,
Тише, тише оброните шаг.
Так ползет после битв на молитву,
Костыли подпирая, душа.

Загорелись поля васильками,
Разогрела касатка гнездо,
Ах, не тревожьте память,
Не разрывайте вздох.

Стон не вернет потерю,
Слезы не смоют кровь —
Только бы верить, верить,
И запушится любовь.

Всем понятная, всем родная,
Голубая, святая тишь,
На васильках ты таешь,
На васильках молчишь.

И не бывает громче
Этих немых побед.
Если и голубь и кобчик —
Соседу любимый сосед.

Тише, тише — наш ритм затаенный —
Это инеем каплет с крыш,
Мы идем, мы идем, миллионы,
Наш
Марш —
Тишь.

3

Потому то мне восторженно не спится —
Я влюблен, я не могу уснуть:

В Октябре я выловил весну,
В Октябре запело сердце птицей.

Нет врагов. Мне все враги друзья,
Каждого люблю я выше неба.

Жить без радостей и без надежд нельзя,
Как нельзя без воздуха и хлеба.

Вечный день — и вечные слова.
О, никем не узнанная тайна.

В этот мир и наспех, и случайно,
Мы слетаем землю целовать.

Мне об этом в детстве пели ели,
Пели туи, смольный дух сосны.

Я не сплю, и в сладостной постели
Наяву качаю эти сны.

4

И качаю сны и раскачиваю:
Вижу я бугорок и плетень.
И еще плетень,
И еще бугорок...
Это месяц — лазутчик вкрадчивый —
На рассвете спустил курок.

Заплелась в плетень тень другого плетня:
День пробудный, братанья день.
И везде бугорки, и плетни везде.
И напролет весь день
Бугорков и плетней беготня.

Убегают вдаль, приближаются:
Перекат, перескок, перезвон.
Гонят с отблеска радужных зайчиков
Пó полю, под уклон.

Я качаю сны и раскачиваю,
Я захлебываюсь и тону,
И дыханье свое горячее
На горячей подушке мну.

5

Будет радость и очень скоро:
Мои рифмы улыбку ткут.

Откуда?... Из всех откуд
Высветит радость взоры.

Перекат, перезвон, перескок
Новым утром меня разбудят.

Скоро, скоро лучиться будет
От этих неровных строк.

6

Нетерпенья засов на калитке.
Не обро̀ните шаг! —

Так спешит после битв на молитву,
Костыли подпирая, душа.

Тише, тише — наш ритм затаенный —
Еще иней не стаял с крыш.

Мы — миллионы,
Наш
Марш —
Тишь.

Берлин 1922

ПОСВЯЩЕНИЕ

ОХЛЯБЬ

Ветер на коне, на неоседланном,
Босяком, зажав пятой бока,
Мчится по полю, по городам, по селам,
По аулам и по облакам.

Мчится свистом, топотом — и тишью,
Усталью — и пламенем ноздрей.
То спадет, а то все выше, выше,
То притупится, а то острей, острей.

Спотыкнется, захрапит, но мчится,
Фыркнет и копыта подобьет...
Нет же нет, то ни мюрид, ни рыцарь
Бьются в отдых шашкой и копьем.

Это ветер, это ветер о̀хлябь
Топот по полю и по нему дробит.
Это ветер, это ветер о̀хлябь
Под кустом на паутинке спит.

И всего боится — и бесстрашный:
Пятится от шелеста листка,
Или вдруг хвостом сметает пашню,
Или вспенится себе врага искать.

О, тогда не попадайся, встречный,
Друг и недруг по дороге — враг:
Будь то берег, иль туман заречный,
Будь то холм, иль за холмом овраг.

Все равно. Равна и боль усладе
Если можно разлюбить любя.
Все равно. Но если взлёту падать —
Никому не уберечь себя.

Никому не отыскать начала,
Никому не предсказать конца.
Мчись же, ветер: вечность обвенчалась
С мигом обручального кольца.

Мчись же, мчись, безвольное могущество,
Придремли, и снова ноздри вздуй,
Чтоб лучистей всех в небесной гуще
Высветить Октябрьскую Звезду.

Берлин 1922.